

Т Е Н Ь Л О Г О В А

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ВЗГЛЯД СО ДНА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Е. Петровой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Africa Studio, Praew stock / Shutterstock.com;
Во внутреннем оформлении использована фотография:
© WildlifeWorld / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Взгляд со дна : [роман] / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198579-0

Она явилась словно из ниоткуда и начала свою охоту. На кровавом пути таинственной Русалки появляются все новые и новые жертвы.

Кто она? Разгневанное мифическое существо или вполне реальный человек, который сводит личные счеты? Что связывает людей, которых постигла жестокая расправа? И почему на телах жертв убийца оставляет лилии — символ чистоты?

Лишь один человек способен найти ответы на все вопросы — следователь Артур Логов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198579-0

© Лавряшина Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Когда убивают твою маму, детство обмирает мошкой в янтаре и с каждым днем неуклонно ссыхается, становясь все меньше, чтобы однажды ты не смогла различить его совсем. Тогда и боль уйдет. Возможно... Только мне еще долго брести до той минуты просветления, в которой прошлое станет неразличимым и солнечный мамин смех затихнет навсегда, перестанет будить меня в пустой квартире: «Сашка, любимочка моя, проснись...»

А ведь тот майский день обещал быть легким, как дрожащий луч, просочившийся сквозь тонкую щель вертикальных жалюзи. Он щекотал пылинки, и они кувыркались в воздухе, хихикая так нежно, что грубое человеческое ухо не улавливало невесомые звуки. В потоке света шла своя увлекательная жизнь. Я наблюдала за ней, проснувшись, но лишь чуть-чуть приподняв веки. Не было никаких зловещих знаков... Как можно было догадаться, что маме остается жить несколько минут?

Этой ночью ее голос еще вспыхивал в углах, притворяясь лунными отсветами, шелестел широкими листьями старого тополя, который обкорнали прошлым летом до состояния столба, и мама горевала вместе с ним. А весной дерево упрямо зазеленело — надо ли говорить, что у нас дома был праздник по этому поводу? Мы выпили буквально по глотку вина (мама разрешила мне впервые!), но этого хватило, чтобы эйфория закружила нас по комнате, за окном которой упрямо выживал тополь.

А мама не выжила.

Она была единственным человеком, не замечавшим того, какое круглое и смешное у меня лицо с шариком носа и выступающим подбородком. Ей все во мне казалось ужасно милым... Даже вечно торчащие в разные стороны светлые перья вместо волос и рост щуплой девочки-подростка. У нее волосы были медовыми, густыми, они стекали по плечам, одним видом даря сладость. Моей сестре достались такие же...

Но мама любила меня. Уж не знаю — за что... Она первой вывела меня на сцену, решив, что нечестно в одиночку любоваться тем, как я, еще не научившись говорить, танцую посреди гостиной, набросив на плечи ее невесомый шарфик. Он был зеленоватого цвета, я помню. Как и мамины глаза... Они светились юной весенней листвой, когда она смотрела на меня. На мою долю выпало счастье, о котором миллионы и мечтать не смеют: меня любила лучшая женщина в мире.

Без нее я в нем просто потерялась... День засорен дурацкими действиями, которым я не отдаю отчета. Ловлю себя на том, что макаю чайный пакетик

ВЗГЛЯД СО ДНА

в пустую чашку... Мажу кусок хлеба маслом, которое даже не достала из холодильника... Вода бьется о раковину, но я не могу вспомнить, зачем повернула кран...

Зато мои ступни до сих пор помнят покалывания ворсинок темно-синего с песочными узорами ковра, тогда еще совсем нового. Его купили специально, чтобы не холодно было играть на полу. Я не забыла и свои игрушки: резинового жирафика, почему-то красного, я отгрызла ему рожки, когда чесались десны; пластикового снеговика с глуповатой физиономией; целую стаю песиков разных мастей и размеров — может, из-за них я так люблю собак? Но я не помню отца... Где он был в такие минуты? Почему не смотрел мои «выступления» вместе с мамой? В те годы он ведь еще жил с нами в этой квартире, в которой мама родилась и провела всю жизнь...

Говорят, человеку свойственно забывать самое тягостное. Похоже, моя память избавилась от них с Машкой, чтоб я выжила в этой бесконечной чугунной трубе, по которой ползу из последних сил, почти не веря, что впереди ждет выход. Что мое сиротство не погасило солнечный свет... И мои младшие подруги все так же выходят на сцену нашего Центра детского творчества, дрожа от восторга, звучащего в аплодисментах.

Я больше не смогу заставить себя сделать это. Да и поздно, детство кончилось. Умерло в муках.

Главные роли мне не доставались, я всегда была на подхвате. И не получала дипломов на олимпиадах, даже школьных, не говоря уж о городских. Мальчики не приглашали меня в кино. Ни разу. Мама до последнего оставалась единственным че-

ловеком в мире, который видел во мне что-то особенное.

Теперь я просто перестала существовать для человечества: оно не замечает меня.

Нет, один человек меня не бросил: Артур таскает мне пакеты с продуктами и оплачивает коммунальные услуги, ведь я ничего в этом не смыслю. Было бы проще, если б он остался в нашей квартире, как частенько бывало при маме, но я понимаю, как это будет выглядеть в чужих и недобрых глазах: юная, хоть и страшненькая, девушка и взрослый мужчина, от лица которого никому не удастся сразу отвести взгляд. Вряд ли такому человеку, как он, захочется портить ради меня репутацию... Артур ведь даже приемным отцом не может считаться — они с мамой так и не поженились, хоть и говорили об этом постоянно. Им хотелось придумать нечто сногсшибательное: обвенчаться на вершине Джомолунгмы или на дне Марианской впадины. Поэтому до свадьбы не дошло...

Что Артур Логов распутывает убийства, я узнала не сразу. В первый вечер мне хватило того, что моя мама, излучающая солнечное тепло, сразу померкла на фоне его не то чтобы классически правильного, но невероятно обаятельного лица, слегка выющихся темных и густых волос и ясных серых глаз, в которых часто мерцала ироническая усмешка. А иногда их взгляд становился почти детским, трогательным до того, что сердце сжималось.

Мне стало не по себе от мысли, что Артур будет затмевать мою маму, где бы они не появились вместе. Я так и не узнала, опасалась ли того же она сама... Мы не обсуждали этого. Разве можно сказать

сорокалетней женщине, что она уже не так хороша для мужчины с подобным лицом? Это ранило бы ее на всю оставшуюся жизнь...

Тогда я еще не догадывалась, что этой жизни оставалось несколько месяцев. Но если б мне и достался от природы дар предвидения, я тем более не раскрыла бы маме правду: она ведь была так счастлива в этот неполный год с Артуром Логовым. Она даже двигаться начала так, будто исполняла танец под музыку, слышную ей одной.

Все портил только отец, который звонил ей чуть не каждый вечер и орал в трубку:

— Оксана, ты с ума сошла? Еще мента в нашем доме не хватало!

Или что-нибудь в этом духе...

Иногда мама срывалась и кричала в ответ, что это уже не его дом и нечего совать свой длинный нос... Она же не указывает ему, как мерзко притаскивать девчонок из клуба, зная, что под одной крышей с ними живет его дочь, которая старше некоторых из них.

В остальное время мама почти не говорила о Маше, после их развода решившей жить с отцом в том загородном доме, который он только что достроил. Я там даже не успела побывать...

Но чаще мама отвечала по телефону достаточно ровным и почти ласковым голосом:

— Сережа, а какое твое собачье дело?

Думаю, это бесило отца еще больше. А меня задевало то, что мама сравнивала его с собаками... Они куда лучше!

Теперь мои родители больше не достают друг друга...

Уже без мамы наступило очередное утро, в котором больше нет света. Я не отличила бы сегодняшнее от вчерашнего — та же серая муть за окном. Жаркий май вечерами исходит слезами вместо меня, я не плачу... Окаменела вместе с детством, которое больше не с кем будет вспомнить, потому что мама была для меня единственным родным человеком.

«Вернись! — Мое горло уже саднит от вопля, который я не выпускаю наружу. — Как мне жить без тебя?! Вернись, мам... Я не смогу. Без тебя никак».

Тот, кто убил ее, и меня вышвырнул из числа живых. Вчерашние подруги испуганно разбежались от меня как от прокаженной: а вдруг беда заразна? Только один случайный знакомый в Сети, некий Умник, продолжает выходить со мной на связь, но что он знает обо мне настоящей? Попробуй отыщи в Москве девушку без адреса...

Кто хватится меня, если я и вправду исчезну?

Может, лишь тот, кто относится ко мне лучше, чем родной отец, ведь моя мама любила его. Я много раз замечала, как розовело и начинало светиться изнутри ее лицо, когда Артур приходил к нам. И видела его глаза, когда мы стояли в морге их Следственного комитета по обе стороны от маминого тела. В его взгляде была такая тоска... точно погибло все человечество и Артур остался один на планете.

От ярости они потемнели позднее. В тот день его отстранили от расследования — личная заинтересованность могла помешать. Когда он сообщил об этом, мне показалось, у него сейчас взорвется сердце...

Из морга я вынесла в себе такой холод, что потом часа полтора пыталась согреться в ванне, то и дело подливая горячей воды. Но лед был прочнее, он не желал таять, не вытекал слезами. Я не стала закрывать дверь на замок — не была уверена, что мне не захочется остаться в этой воде навсегда. По-другому разве станет легче?

Даже думать не удавалось... Все во мне точно свело судорогой, мозг в том числе. Я чувствовала себя дауенком-переростком, который развлекается так, как может... Кому какое дело до того, что он уже совершеннолетний? К этому возрасту обычно уже забывают, что если опуститься в воду по ноздри и поднести руки к самой поверхности воды, вытянув кисти вдоль нее, то они станут плоскими, тонюсенькими, а пальцы удлинятся так, что любая пианистка позавидует.

Но стоит повернуть их и поставить перпендикулярно той же самой поверхности, как увидишь пальцы-колбаски. Жирные и противные лапы лавочника, привыкшего считать барыши. Никакой музыки...

Без мамы вообще ничего.

Неделей ранее...

— Да какого черта!

Спустя несколько дней Артура Логова внезапно обожгло: если б тогда в момент пробуждения он не помянул черта, все сложилось бы иначе. И мрачноватое дело, которое он расследовал, никак не коснулось бы его жизни, только-только наполняющейся

радостью. Это ведь должно быть порознь — работа и судьба. Так и было всегда. А на этот раз все неожиданно смешалось, застигнув его врасплох. И он растерялся...

Точнее, едва не растерялся.

Но всего этого Артур не мог предчувствовать в то воскресное утро, когда Разумовский разбудил его звонком. Знакомый звук прорезал сон, и тот сразу распался на части, каждая затерялась в памяти. Где он только что был? Почему так не хотелось возвращаться оттуда? На секунду блеснуло теплое море, в котором он гонялся за дельфинами, но мгновенно отхлынуло, обнажив пустошь спальни.

Что с ним происходило этой ночью? Его сны всегда были историями. Чаще напряженными, с интригой, как будто ему этого в реальности не хватало! Но в сон Артур уходил с удовольствием, как будто устраивался поудобнее в кресле кинотеатра: «Сейчас начнется!» Было обидно, что сегодняшние приключения уже не вспомнятся. Можно было и не всматриваться вслед новым улыбчивым друзьям, которых стремительно уносило к горизонту...

Вот о чем он подумал в момент пробуждения. Досада стала первым ощущением того дня.

Спросонья Артур не сразу нашупал телефон на полу возле кровати — специально клал туда, чтобы не уронить, если поднимут среди ночи. Пальцы корябали шершавое ковровое покрытие, отыскивая гладкую поверхность. У него же был выходной, и он собирался увезти Оксану подальше от Москвы — на то озеро, куда в детстве ездил с родителями, пока они были живы. Купаться еще рано, конечно, май

на дворе, но хоть посмотреть на воду, охотно вбирающую тяжелые мысли людей, ищущих у нее помощи... Море потому и приснилось, что мечтал о воде? А дельфины? Это Оксана с Сашкой?

После смерти родителей — почти двадцать лет! — Артур не ездил туда ни разу. Не находилось в его жизни человека, которому он мог позволить ступить на мелкие камешки, хранившие следы его матери и отца. Оксана стала первой. Единственной.

Сашка отказалась составить им компанию, скривила мордочку:

— Что за стариковские развлечения?!

«Умная девочка», — он похвалил ее взглядом.

Ясно же было: прикинулась врединой, чтобы мать не потащила ее с собой и посвятила этот день себе. И ему.

Саша в изнеможении закатила глаза: «Чертов сыщик! Ничего от него не скроешь...»

Они отлично ладили с младшей Оксаниной дочкой. Ему нравилось легкое и шутливое отношение Сашки ко всему на свете, включая и саму себя.

— Я, конечно, страшилка, — заметила она как-то, надевая перед зеркалом кепи. И ухмыльнулась: — Но миленькая же?

— Самоирония, мадемуазель, служит вашим лучшим украшением, — с поклоном отозвался Артур без малейшей паузы, в которой девочка могла слышать сомнение. И добавил уже серьезно: — В восемнадцать лет я точно влюбился бы в тебя.

Сашка блеснула глазами и сморщилась:

— Фу! Слышать такое от старика...

— Но миленького же? — откликнулся он ей в тон.

Вытирая ножи, Оксана выглянула из кухни, откуда еще не выветрился кофейный дух, лезвие поймало солнечный отсвет, перебросило на соседнее.

— Жаль, что вы оба москвичи... А то были бы две сибирские язвы!

Сашка крикнула уже с порога:

— Мам, он годится в отцы, я согласна!

И выскользнула за дверь: «Все, я ушла».

В расширившихся от изумления зеленых глазах Оксаны заблестели искорки счастья:

— Господи... Она действительно это сказала? Или мне послышалось?

— Мадам, вы сомневались, что я очарую вашу дочь?! Обижаете!

В тот момент Артур забыл добавить «младшую», словно другой и не было. Машу за этот год он видел всего пару раз...

— Подъем. Ты нужен. — Разумовский тяжело закашлялся в трубку.

Пришлось отстранить телефон от уха. Уже все было ясно, и шелест мелких озерных волн обреченно стихал вдали следом за морскими. Никуда они сегодня не едут...

— У меня выходной.

— А у меня склероз, по-твоему?! Если бы могли обойтись без тебя, не позвонил бы...

Потолок набряк серой тоской и опустился на два с половиной метра — больше и не требовалось, чтобы комната превратилась в кирпичный гроб.

«Я замуровал себя в этой чертовой работе», — признал Артур с раздражением, заранее зная, что

ничего не станет менять. Даже ради Оксаны... И это ощущение безнадеги — минутное. А, едва отбросив одеяло, он опять станет поджарым гончим псом, готовым идти по следу, забыв о пище и воде. Ну, образно говоря... Поесть-то Логов не забывал. А его живой водой сейчас была Оксана, от которой он уже отказался в ту секунду, когда ответил Разумовскому:

— Сейчас буду. Как же без меня-то...

— Ты там уйми сарказм! — буркнул Разумовский. — Жду.

Показалось, или телефон хрустнул в руке? Хотелось засадить им в стену, чтобы все приказы осыпались за письменный стол, стоявший напротив кровати. Там много чего валяется, руки до уборки не доходят. В его доме давно не было женщины... Оксана ни разу не оставалась ночевать, ей было неловко, да и жалко бросать Сашку — вдруг ей станет страшно ночью?

— А ничего, что твоей нежной лялечке уже семнадцать? — поддевал он, но Оксана отмахивалась обеими ладонями:

— Это ж только по паспорту! Она совсем ребенок еще... И не нападай на мою девочку.

На самом деле ей тоже было понятно, что Сашка почти сразу стала его союзницей. И Оксане это нравилось.

— Ты напоминаешь ей Алена Делона в тех старых детективах, где он мрачный и умный, — как-то пояснила Оксана, посмеиваясь.

— Я вообще не мрачный! Но умный, это да...

Она коснулась его макушки:

— Только у тебя волосы чуть выются, а у него нет.

— Это наследие моего прадеда-еврея... Откуда этот ребенок знает Делона?

— Сашка смотрела фильмы с ним в оригинале — практиковалась в французском. Потом забросила его.

— Бедный старик Ален...

— Французский забросила! Решила, что произношение у нее ни к черту. И лучше не станет...

— Она чересчур строга к себе.

— Не то слово! Вот правда: не знаю, лучше это самоуверенности или хуже? Машка-то никогда не страдала от комплексов, ее еще тормозить приходилось, чтобы не воображала себя владычицей морской.

— Она — такая?

Но в ее глазах уже пульсировали крошечные знаки: «Стоп! Не говори о ней ничего». И Артур быстро менял тему:

— Оксана Викторовна, примите меры, ваша Саша на меня наговаривает. Разве я такой рафинированный, как Делон? Я же вылитый мачо!

Она охотно откликалась улыбкой:

— И самый искрометный мужчина в моей жизни!

— И язык у меня подвешен, разве нет? У того сыщика, которого играл Делон, было по три фразы текста на каждый фильм...

— А ты у меня такой болтун! — она откровенно любовалась его лицом. — Красивый и умный. Невероятное сочетание!

— Не такое уж и редкое: ты тоже красивая и умная.

— Среди женщин такое встречается чаще.

— Не может быть. Ты одна такая...

«Я женюсь на ней, — решил он, небрежно заправляя постель. — И тогда черта с два кто-то посмеет отобрать у меня выходной! Я стану семейным человеком. Даже с ребенком».

Правда, Сашка уже не особо тянула на младенца, а Оксана больше не собиралась рожать: в сорок-то лет? Не смешите мои тапочки! Артур и не настаивал, ему никогда особо не мечталось о наследнике, и чужие младенцы не вызывали желания потискать и посюсюкать. Да и не до того было...

Поэтому Разумовского нисколько не мучила совесть, когда он срывал Логову выходной — разве его лучший следователь втайне сам не желает именно этого? И нет никаких оправданий вроде «кто-то же должен». Артуру просто нравилось то, чем он занимался, что уж скрывать. Он чувствовал себя живым, когда появлялось дело, способное утянуть его с головой. Все остальное становилось неважным.

Могло ли таковым стать убийство сына известного застройщика Ивана Василенко, насчет которого и звонил шеф, Артур пока не имел представления. Парень отмечал тридцатилетие, напомнил он себе, плеснув в лицо холодной водой и громко фыркнув. Это вполне может оказаться банальной пьяной разборкой... А следователя его класса привлекли только потому, что дело резонансное — журналисты слюной капать будут от такой новости! Если уже не пронюхали... Поэтому Следственный комитет должен изобразить крайнюю озабоченность: «На расследование брошены лучшие силы, дело будет раскрыто с максимальной оперативностью».

Покрошив корм рыбкам, живущим в большом аквариуме, в мире, за которым Артур наблюдал с большим удовольствием, чем за реальным, он наспех соорудил бутерброд из двух кусков хлеба, положенных кружками салями и пластинками сыра. Впился в него, еще сбегаая по лестнице — крошить в машине Логов не любил. А вот грязный нож как орудие убийства колбасы на столе бросил, правда, вспомнил об этом, когда уже захлопнул дверь.

Семи этажей как раз хватило на завтрак... А кофе придется купить по дороге, некогда было варить. Как-то Сашка доказывала, что растворимый пробуждает мозг ничуть не хуже, но Артур так и не решился проверить ее слова. Да и кофейня, куда он обычно заглядывал, сейчас была по пути.

Двор встретил его птичьим гомоном: у подъезда рос высокий круглый куст, облюбованный воробьями. Десятки пичуг ловко прятались в едва позеленевших ветвях и без умолку галдели на все лады. В этой многоголосице слышалось столько радостной любви к жизни, что каждый раз Артур замедлял шаг возле листовяного дома, надеясь впитать немного. Когда изо дня в день имеешь дело с трупами, годится любая подзарядка. У воробьев энергии не заканчивать, от них не убудет...

Он отломил хлеба и быстро покрошил на вытопанный пяточок. На мгновение куст затих. Отойдя, Артур оглянулся: живые мячики уже всю скакали, собирая крошки. Его губы расползлись усмешкой: «Эти ребята не пропадут». И погрозил пальцем узкомордому коту, похожему на сфинкса:

— Только попробуй!

Хотя коты ему нравились — их жизнь всегда раздирали страсти. Однажды эти зверюги ввели его в заблуждение: почудилось, будто за мусорным баком плачет младенец. Была зима, и у него стыло обмерло сердце: «Погибнет!» Решение созрело мгновенно: нужно забрать ребенка домой, пока не окоченел на земле. Оставить себе? Это невозможно. С его-то работой? Его дому, конечно, не хватает детского смеха и плача... Жизни не хватает. Но...

В несколько прыжков Артур добрался до зеленых облупленных баков и увидел выгнувших спины котов, с упоением оравших друг на друга. Всклипнув от смеха, Логов расхохотался во весь голос.

Заскочив в машину, Артур первым делом набрал Оксанин номер.

— Вселенная ненавидит меня... Похоже, и тебя зацепило. В общем, мне так жаль, — пробубнил он в трубку, услышав ее радостное: «Да? Привет!»

Она сразу поняла:

— На работу вызвали?

— Чтоб их... — Артур произнес это с искренней пылкостью, ничуть не наигранной, но все же рассчитанной на то, чтобы Оксана не усомнилась: ему и вправду ужасно жаль.

— Ничего, в другой раз, — откликнулась она мужественно.

Хотя они оба знали, что и в следующий раз может произойти то же самое. Таким уж делом он занимается... Но ему не приходилось напоминать: «Ты же знала», ведь Оксана ни разу не позволила подпустить металл в голос или обиженно умолкнуть на целую вечность.

— Позвони, когда освободишься, — предложила она с той приветливой легкостью, к которой Артуру до сих пор не удавалось привыкнуть.

До знакомства с Оксаной Кавериной он встречал в женщинах лишь отголоски той заботливой теплоты, которую она набросила на него, как прозрачное покрывало — легкое, но защищающее ото всех ветров.

— Люблю тебя.

После этих слов Артур всегда сразу отбивал звонок, точно опасался не услышать в ответ того же. Или не хотел, чтобы Оксана подумала, будто на это он и рассчитывает. Сам еще не разобрался... Как вообще можно о чем-то размышлять, не выпив крепкого кофе?!

Чернявый бариста широко улыбнулся ему:

— Двойной эспresso, как обычно?

Может, пронюхал, чем занимается их постоянный посетитель, и улыбки подбрасывал как страховочные маты — вдруг пригодится... Не дай бог, конечно! Но, как говорится, не зарекайся...

Артур взял на вынос и опустошил стаканчик, пока возвращался к машине. Было не очень хорошо, что Логов приедет на место преступления на своей «Ауди» — личный транспорт в СК старались не светить, кому нужны проблемы с мстителями-уголовниками? Для этого имелись служебные автомобили, но сейчас заезжать в общий гараж было некогда, Разумовский требовал, чтобы Артур прибыл «еще час назад».

«Ерунда, — сказал он себе, запустив стаканчиком в урну. — Речь о загородной усадьбе, там не будет зевак. Машину можно бросить поодаль, никто и не